

Замечательный артист

(К гастролям И. С. Козловского)

Каждое выступление народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии Ивана Семеновича Козловского в спектаклях Новосибирского театра оперы и балета проходило с огромным успехом. Исполнение Козловским партий Ленского («Евгений Онегин» Чайковского), Синадала («Демон» Рубинштейна), Альфреда («Травиата» Верди), Фауста и Дубровского (в одноименных операх Гуно и Направника) захватило новосибирцев подлинным мастерством.

Чем же объясняется постоянный успех этого артиста?

Наблюдая за Козловским на сцене, мы не можем сказать, что в одном эпизоде спектакля он превосходно использует богатства своего редкого по красоте голоса, а в другом — поет не столь хорошо, но зато более ярко передает переживания героя оперы средствами актерской игры. В том-то и дело, что великолепное певческое мастерство органически сочетается у Козловского с убедительностью драматической характеристики образа.

К Козловскому в полной мере применимо определение: «поющий актер» или «играющий певец», — то-есть как раз то, что всегда является главной задачей музыкального театра и без чего нет подлинного оперно-исполнительского искусства. Именно это и позволяет Козловскому с такой глубиной раскрывать музыкально-драматургическое существо образа.

Выдающийся представитель советского оперного стиля, Козловский никогда не позволяет себе, — как это часто делают иностранные певцы, — бездумно «кокетничать» звуком, «поражать» слушателя какой-нибудь необыкновенной нотой, забывая о смысле данного эпизода, о значении образа в целом. Он избегает также и излишней перегрузки звука,

так называемого «нажима», форсировки, неоправданно громкого пения (громкости во что бы то ни стало), чем нередко грешат малоопытные вокалисты и что всегда наносит явный ущерб художественности исполнения.

Между тем высокая художественность, артистичность является неотъемлемым свойством исполнительского творчества (именно — творчества) Козловского. Любая мелкая деталь его сценического поведения целиком оправдана музыкой, помогает зрителю глубже прочувствовать и понять замысел композитора. Козловский как бы составляет еди-

ное целое с оркестром, совершенно точно реагируя на каждое задуманное композитором изменение в характере звучания музыки, — изменение, отмечающее отдельные этапы в развитии действия и данного образа. Поэтому-то его сценическая работа и производит незабываемое впечатление.

В каждом образе Козловский с большой рельефностью выявляет черты и особенности, присущие в одном случае Ленскому, в другом — Дубровскому, в третьем — Фаусту и т. д. При этом он смело разрушает штампованные и, казалось бы, очень привычные для восприятия приемы исполнения и по-своему решает многие эпизоды той или иной оперы. Например, своеобразно трактует он сцену ссоры Ленского с Онегиным на балу у Лариных. В частности, артист находит свою, неожиданную для многих (но очень убедительную) интонацию в восклицании Ленского: «Вы — бесчестный соблазнитель!»

Обычно исполнители партии Ленского в этом месте прибегают почти к крику, вкладывая в него прорвавшийся гнев юноши, забывшего от мучительной ревности, где он находится. Козловский, наоборот, переходит в этот момент почти на шопот (впрочем, четко слышимый во всем зале), выражая в своем внешне сдержанном восклицании не столько ревность, сколько нестерпимую душевную боль чистого и пылкого юноши, внезапно страшно разочаровавшегося в лучшем друге и в любимой девушке. Эта интонация, вместе с тем, подчеркивает для зрителя и смысл слов Онегина: «Я слишком пошутил жестоко!». И надо сказать, что замысел Чайковского раскрывается здесь очень выразительно. Подобных примеров можно было бы привести много по каждому спектаклю.

Не только интонационной, но и внешне-пластической выразительности добивается И. С. Козловский — в общении с партнерами, в жесте, в походке, в игре с вещами, — например, с плащом в «Фаусте» или «Дубровском», саблей в «Демоне» (где, кстати сказать, весь образ Синадала решен совершенно своеобразно) и т. д.

Разумеется, ко всему этому И. С. Козловский пришел отнюдь не «ощупью» и не при помощи случайных «находок». Каждая деталь его исполнения продумана, тщательно и неоднократно выверена и взвешена. Обладая замечательным голосом и крупным актерским талантом, Козловский непрерывно и углубленно работает над собой — не только в отношении общей, каждодневной «тренировки», но и продолжая поиски дополнительных красок, более экономных средств выразительности в характеристике давно уже созданных им образов.

Во время гастрелей в Новосибирске Козловский с большой заинтересованностью стремился не только к тому, чтобы продемонстрировать в том или ином спектакле свои собственные достижения, но и к тому, чтобы **весь спектакль** прошел на высоком уровне. Большую работу проводил он во время репетиций, делаясь с коллективом своим опытом подлинного мастера. И репетиции, и весь стиль творческой работы Козловского, и самый факт его участия — все это оказало безусловно плодотворное воздействие на художественное качество спектаклей Новосибирского театра оперы и балета в целом, способствовало повышению исполнительской культуры молодого коллектива.

Гастроли И. С. Козловского в Новосибирске совпали с одной памятной в истории русского музыкального театра датой — 15-летием со дня смерти Леонида Витальевича Собинова. Новосибирский театр оперы и балета откликнулся на эту дату: был поставлен спектакль «Евгений Онегин», посвященный памяти великого русского певца. В этом необычном спектакле в партии Ленского выступил И. С. Козловский, а остальные партии (включая самые маленькие) были исполнены ведущими солистами театра: Онегин — В. Гудылев, Татьяна — Н. Первозванская, Ольга — Л. Мясникова, Грешин — засл. арт. республики В. Арканов, Ларина — Е. Романова, няня — З. Малышева, Трике — П. Демчинский, Ротный — М. Киселев, Заречный — В. Кирсанов.

Почему был избран именно этот спектакль? Как известно, образ Ленского был одним из самых замечательных созданий Собинова. В специальной музыкально-ведческой и мемуарной литературе немало строк посвящено Собинову—Ленскому. Исполнение этой партии Козловским (как и другие созданные им образы) наглядно показывает, что он является полноправным сценическим наследником Собинова.

В одном из антрактов этого спектакля, проведенного всеми его участниками с особенной, взволнованной проникновенностью, И. С. Козловский в гриме Ленского выступил с краткой речью о Собинове.

Гастроли Ивана Семеновича Козловского, естественно, вызвали огромный интерес среди трудящихся города и вообще сибиряков, слышавших его в эти дни по радио во время трансляции спектаклей Новосибирского театра оперы и балета.

Председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. Лебедев дал задание И. С. Козловскому — поехать в Кузбасс для выступлений перед славными мастерами угледобычи. По предложению Козловского это будет не концертная поездка (как предполагалось), а совместные гастроли его с коллективом Новосибирского театра оперы и балета. В Кемерово, Сталинске и Прокопьевске будет показан спектакль «Евгений Онегин». В Кузбасс выехали, вместе с И. С. Козловским, солисты театра Н. Куртнер, В. Гудылев, П. Ульянова, В. Кирсанов, Л. Савенкова, З. Малышева, Е. Зонис, дирижер — заслуженный деятель искусств Киргизской ССР В. Чернов, артисты хора, оркестра, балета, работники технических цехов. Отправлены и декорации, выполненные ранее специально для выездных спектаклей.

Хочется надеяться, что И. С. Козловский, встретивший такой горячий прием сибиряков, приедет в наш город еще не один раз.

Борис РЯСЕНЦЕВ.